

DOI 10.26886/2520-7474.1(27)2018.9

UDC 81'373.6-81'373.2

**AREALS OF IRANIAN LEXICAL RELICTS IN TOPONYMICS OF
DNIEPER AND BUG BASINS**

A. I. Iliadi, Doctor of Philological Sciences

Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University,
Ukraine, Kropyvnyckiyy

The target of this scientific paper is the etymological analysis of some Ukrainian toponyms. Their belonging to the archaic Slavic toponymic is doubtful, and just the opposite – genesis of these lexems is persuasively explained with taking into account of the morphological and fonetic features of the Iranian word evolution. Reviewed Iranian lexical relicts form two toponymic areals along the Dnieper and the Bug. Thus suggested preliminary results of the etymology analysis can clarify well-known point of view about absent here Iranian hydronymy stratum.

Key words: etymology, derivative, toponymic, areal, Iranian.

доктор филологических наук, Илиади А. И. Ареалы Иранских лексических реликтов в топонимии Поднепровья и Побужья/ Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко, Украина, Кропивницкий

Статья ставит цель этимологического анализа группы топонимов на территории Украины. Их принадлежность к архаичному славянскому топонимикону сомнительна, и, напротив, генезис этих лексем удовлетворительно толкуется в рамках словаря иранских языков с учетом деталей истории фонетики и морфологии иранского слова. Рассмотренные иранские лексические реликты образуют два топонимических ареала, смежных с течением Днепра и Буга, и таким образом корректируют

существующий в науке вывод об отсутствии здесь иранской гидронимии.

Ключевые слова: этимология, дериват, топоним, ареал, иранский.

1. Вступительные замечания. Говоря о языковых реликтах, обычно подразумевают следы древнейшего состояния изучаемого языка, сохраненные в топонимии. В силу разных причин архаизмы здесь часто оказываются вырванными из процесса возникновения лексических новообразований, а потому сохраняются, ибо в конкуренции старого с новым инновации часто вытесняют из употребления старую лексику. Таким образом, в топонимии откладывается то, что было утрачено в апеллативном словаре. Эта же своеобразная лексическая периферия создает условия и для сохранения свидетельств былого присутствия в интересующем исследователя ареале носителей иных языков, т. е. оставшегося от них субстрата или суперстрата. Именно применительно к ономастическому субстрату в исследованиях последних десятилетий уже традиционно употребляется термин *языковой реликт* (работы академика О. Н. Трубачева, а также ряд публикаций В. Э. Орела, А. К. Шапошникова, А. В. Иваненко), и именно эта категория слов будет интересовать нас в дальнейшем. Речь идет о языковом наследии иранского этноса/-ов, населявшего территорию вдоль средней и нижней части течения Днепра и Ингуло-Бужского междуречья. Предшествующий опыт описания иранских лексических древностей этих ареалов либо показывает их распространение в стороне от указанных территорий (за исключением двух примеров, ср. ниже *Хорол*, *Ирекол* и еще нескольких, выявленных в исследовании О. Н. Трубачева [26, с. 276]), либо вводит в обиход единичные

названия (территория междуречья Ингула и Буга) [16, с. 9–10, 12–13], чья принадлежность к иранской гидронимии вызывает серьезные сомнения. К слову сказать, в специальном исследовании топонимии Среднеподнепровского Правобережья И. М. Железняк [9], где иноязычным названиям (тюркским, балтийским, иллирийским, кельтским, фракийским) уделено едва ли не преимущественное внимание, иранские реликты отсутствуют как таковые. Видимо, дело в том, что эта работа сориентирована на выводы, ранее полученные О. Н. Трубачевым, ср., в частности, его тезис о том, что «южные иранизмы находятся в бассейнах левобережных днепровских притоков – Сулы, Псла, Самары и их соседстве, только *Сура*, *Домоткань* и *Самоткань* впадают справа, в непосредственной близости к устью Самары. В остальном Правобережная Украина, в широком смысле, оказывается свободной от иранских следов в гидронимии» [26, с. 276].

Между тем, совершенно логичен поиск иранских вкраплений в топонимическом ландшафте указанных ареалов как лингвистическое доказательство пребывания здесь скифов, сарматов и родственных им этносов. Коль скоро существуют подтверждающие это археологические памятники (ср., напр., скифские городища на нижнем Днепре [24, с. 65; 4], скифские древности Право- и Левобережья Среднего Приднепровья [5]), должны быть и языковые свидетельства, и в сумме оба этих исторических источника помогут составить представление об отношении местной иранской культуры и ее языка к языку и материальной культуре иранского населения, напр., Подонья и Причерноморья.

Отсутствие в профильной литературе данных об иранских топонимических реликтах часто обусловлено недостаточностью фактологической базы. Даже сегодня использованы далеко не все источники материала, потому многие выводы, ранее казавшиеся

основательными, со временем могут быть пересмотрены или откорректированы в связи с введением в научный оборот новых фактов, способных изменить первоначальное представление об ареале и количестве топонимов иранского происхождения. Например, очень показательной в плане уточнения географии иранских реликтов украинской гидронимии за счет открытия новых фактов является студия В. Э. Орела [18]. И, как нам кажется, предлагаемые в настоящем исследовании результаты этимологизации тополексем тоже могут внести свою лепту в расширение границ иранской топонимии Восточной Славии.

2. Объект анализа – тополексеммы, которые по своим фонеморфологическим характеристикам могут быть соотнесены *не с архаичной славянской*, а со структурно близкой или тождественной *иранской* ономастической и апеллативной лексикой. Иначе говоря, они находят объяснение исключительно на иранском лексическом материале с характерной только для него формой корня и аффиксов. Пометой «сарм.-алан.» снабжены прототипы, восстановленные на основе лексики осетинского языка – генетического преемника речи сарматских племен. При этом в расчет берутся не только собственно лексические сходения рассматриваемой иранской топонимии с элементами осетинского словаря, но также те ее звуковые особенности, которые свойственны фонетике осетинского слова, будучи его отличительной чертой.

3. Языковые реликты в топонимии ареалов Среднего и Нижнего Поднепровья.

3.1. Скиф., сарм. *darš-stur (< *daršā-stūra-)

Укр. *Дирéхтур* – камень при входе в днепровский порог Вовнига. В ономастической литературе название трактуется в духе народной этимологии как испорченное *дирéктор*, т. к., по рассказам, возле него

«произошло происшествие с каким-то *дурэхтуром*» [29, с. 42]. Полагаем, что современная структура топонима – это результат переосмысления в местной славянской речи архаичного неславянского названия **Дараштур* или **Дарастур* (видимо, славяне усвоили его через посредство тюркской речи) – скиф. или сарм. лексемы, чья форма может быть восстановлена как **darš-stur* (< праиран. **daršā-stūra-*). Первая часть этого именного сложения восходит к иран. **daršā-* (: пшт. *lāš* ‘крутой обрыв’, ‘отвесная скала’, ‘расселина горы’) [20 (2, с. 355)], а вторая тождественна иран. **stūra-* ‘большой’, ср. осет. диг. *stur*. Значение композиты – ‘большой камень’?

3.2. Скиф., сарм. **duš-xan*

Укр. *Доханський* (другие названия: *Демéка*, *Демський*, *Домайський*, *Донський*, *Демокий*) – остров под правым берегом Днепра ниже порога Кодака против острова Яцевого. По данным конца XVIII ст., имел две версты в длину и полверсты в ширину [29, с. 39–40]. Название (видимо, искаженное **Дошхан*, **Душхан*) консервирует дославянский лексический реликт – возможно, скиф. или сарм. **duš-xan* ‘плохой источник’, точнее – ‘плохого источника (остров)’, ср. к первой части авест. *duš-*, др.-перс. *duš-* (в составе композит) ‘дурной, плохой’ и авест. *xan-* ‘источник, родник; колодец’ [20 (2, с. 412; 4, с. 215)] ко второй.

Эта же лексема ранее была отмечена в ареале гидронимии бассейна Верхнего Днепра, где она распознается в укр. *Духан* – л. приток Рудомойки п. Гостижи п. Ужи л. Днепра, *Душан* – л. Тростянки п. Вороницы л. Ипути л. Сожи ([18, с. 108]: как иран. **duš-xan-* ‘дурной колодец’).

3.3. Сарм.-алан. **la-gan*

Укр. *Лоханной* («а ниже Лоханного 3 версты порог Стрельчеи») [12, с. 111], *Лоханской*, *Лоханій*, *Лоханський* – третий порог на Днестре

выше острова Стрельчатого. В ономастической литературе предлагается версия об отражении в основе топонима укр. диал. *лѳхнути* ‘бить в отчаянии’, т. к. поток воды «отчаянно бил о гранитное препятствие, ставшее на его пути» [29, с. 95], правда, различие в ударении сопоставляемых форм не комментируется. Возможно, это переосмысленная, фонетически и словообразовательно адаптированная поздняя сарм. форма **la-gan* < **fra-gan(a)*- ‘бьющий, разбивающий (воду)’ ~ иран. **gan-* ‘бить, колотить’, ‘поражать’, ср. авест. *frā-gan-* ‘отрезать’ [20 (3, с. 136, 139)], префиксальная часть которой показывает тот же фонетический сдвиг, что и осет. *læ-* < **fra-*, ср.: *lægærdyn*, *lægærdun* < **fra-kɣt-* (*kart*), *læğzær* < **fra-γžara-*, *læqqīr* < **fra-gaira-* и др. [1 (2, с. 21, 26, 31)].

3.4. Сарм.-алан. **sāg-barz*

Укр. *Сагбарса* – местное название в р-не с. Золотая Балка Нововоронцовского р-на Херсонской обл. (нижнее течение Днепра) (запись 1973 г. [17]). Видимо, порча изначального **Сагбарз*, т. е. сарм.-алан. **sāg-barz* ‘олений холм’, ср. осет. *Сагбарз* = «Олений холм» из *саг* ‘олень’ + *барз* ‘холм’, ‘кочка’, ‘возвышение’ [28, с. 429].

3.5. Скиф., сарм. **har-al-* или **kar-al-*

Др.-рус. *Хороль*, 1096 г., *Хороль*, 1106 г., *Хорол*, XVII в., совр. *Хорѳл*, -у – река, п. Псла л. Днепра [22, с. 593]. Солидная историография попыток анализа этого названия компактно изложена в [8, с. 171], и все они по языковой атрибуции объекта делятся на три группы версий – иранской, славянской (см. еще [13, с. 277]: как псл. **korlъ* ~ и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть, сгибать’) и неиндоевропейской (тюркской, монгольской) этимологии. Среди них привлекает внимание своей устойчивостью тенденция рассматривать *Хорол* среди древней иранской лексики (напр., из **har-* ‘течь’ [25, с. 228], к **Harava-* [26, с. 178]), не случайно потому в литературе последнего времени

получила развитие именно иранская этимология гидронима *Хорол*, ср. трактовку «сармато-туранское» **haral-* ‘речное течение’? (< **har-* ‘течь’, **al-* ‘исток’) [30, с. 298: без ссылок на предшествующие толкования]. Думается, что первая часть с равным правом может иметь альтернативное объяснение в связи с иран. **har-* ‘быть черным, темным’, ср. осет. *xæræ* ‘серый’ в сочетании *xæræ mīg* | *xæræ meǵ(æ)* ‘густой туман’ = ‘серый туман’ [20 (3, с. 371)]. В итоге – **har-al-* ‘серый поток’.

Вместе с тем, учитывая такое свойство славянской диалектной фонетики, как замена этимологического **k-* > *х*, нельзя исключить отражение в *Хорол* более раннего **Корол* (об этом, как будто, говорит отмечаемая вариантность фиксаций *Король* : *Хороль* : *Хорол* [13, с. 277]), за которым стоит форма **kar-al-* с препозитивным **kar-*, соотносительным с иран. **kara-* ‘большой, огромный’. Ср. замечание Д. И. Эдельман о распространенности рефлексов **kara-/xara-* как первых компонентов композит во многих живых языках, а также отмеченность в язгулямском аналогичных по структуре именных сложений – терминов гидрографической номенклатуры: *qəl-xex*, *kəl-xex* ‘большая, главная река’ (*xex* ‘вода; река’), *xærək-wāḏ* ‘головной канал, от которого отходят более мелкие каналы-арыки’ (*wāḏ* ‘арык, оросительный канал’) [20 (4, с. 280–281, 282)]. С учетом сказанного потенциальность реконструкции скиф., сарм. **kar-al-* ‘большой поток’, ‘главный поток’ достаточно высока.

К типологии сложений с постпозитивным **al-* ср. сарм. **varg-al-* [см. 10, с. 66].

3.6. Скиф., сарм. **uguk-ar*

Название правого рукава Днепра (р-н Кременчуга) *Ирекопъ*, 1745 г. неуверенно связывается с укр. гидронимом *Ірклій*. Столь же неуверенно *Ирекопъ* пытаются объяснить опиской вместо **Ирековъ* (?)

с «суффиксальным» в [15, с. 39]. Думаем, есть основания видеть в этом гидрониме продолжение скиф., сарм. **uruk-ap* ‘широкая вода, река’, ср. Οὐαρδανης – река Кубань = скиф. **varu-dānu-*, а также осет. *urux*, *wæræx* ‘широкий’, ‘просторный’ [1 (4, с. 90)]. Форма *Иреколь* представляется какографической, хотя порче на письме могло предшествовать искажение вероятного **Урукол* (с закономерным переходом иран. *a* > слав. *o*) из-за народноэтимологического сближения его структуры с таким же неславянским названием, как указанное ранее *Ірклій*. Но логичнее допустить тюркское посредничество в освоении скиф., сарм. **uruk-ap*: собственно, предполагаемое **uruk-* (или какая-то его поздняя форма) могла измениться в *Ирек-*, будучи сближенной в тюркской речи с производными от тюрк. глагола *irk-* (в турецком употреблялся применительно к запруженной воде, ср. еще тур. диал. *ürken* ‘скопление воды’). Как возможный образец, по которому иранское название «выравнивалось» в тюркоязычном употреблении, можно предположить и названия водного канала, реки, потока, канавы, ср., в частности., уйг. *eriq* ‘арык’, ‘канал’ (тюрк. лексика приведена по: [21, с. 188, 378]). Ну и, наконец, мена этимологического анлаута **Ур-* > *Ир-* могла произойти из-за установившейся ассоциации **Урукол* с укр. *ир* ‘душистая, болотная осока трава’ – диалектной формы к *аир* [3, с. 170]. Связь вполне логичная, т. к. осока – неперенный атрибут заболоченных берегов многих рек.

3.7. Сарм.-алан. **val-gar*

В исследовании Р. М. Козловой по этимологии славянской ономастики приведен значительный материал с основами *Bolgar-*, *Balgar-*, *Bulgar-*, сводимый, по ее мнению, к псл. **bъlg-* ~ и.-е. **belg-* ‘набухать’ [11, с. 50, 53–54]. Соглашаясь в общем с тем, что какие-то из анализируемых онимов формально соответствуют предложенному

прототипу, отметим этимологическую неоднозначность структуры этих основ, облик которых может отражать случайное звуковое совпадение в развитии исконно разных слов. Приведем один из таких возможных случаев – название скалы возле Ненасытецкого порога на Днепре *Булгар*, толкуемого именно как псл. **bьlg-агь* [11, с. 54]. Но если учесть частые случаи смешения губных *v-* : *b-* (*v-* > *b-* или *b-* > *v-*) в славянском да еще при условии наличия в нем группы производных с основой *балг-/бог-/булг-*, выходим на альтернативное объяснение, т. е. как **Волгар* (с повышением степени лабиализации *o* > *y* после губного) < **Валгар*. В нем отражено сарм.-алан. сложение **val-gar* < **upari-gari-*, т. е. префиксальный дериват от иран. **gari-* ‘гора, холм; валун, скала’, ср. хс. *ggara-*, поздн. *gara* ‘гора’, пшт. *γar* ‘гора; груда (камней, зерна и др.)’, язг. *γār* ‘камень’, ‘скала’, ‘скальная вершина горы’ и пр. [20 (3, с. 191)]. Фонетика **valgar* показывает продвинутое состояние, близкое к осетинскому языку, где рефлекс иран. префикса **upari-* обнаруживает именно такую форму – *wæł-*, ср.: осет. *wæłbyl* ‘над обрывом’, ‘над краем (оврага, берега и т. п.)’ = *wæł-* & *byl*; *wæłuvad* ‘выступ, свес кровли горской сакли’ = *wæł-u-vad* < **upari-pāda-*; *wæłvændag* ‘над дорогой’, ‘выше дороги’ = *wæł-* & *fændag* < **upari-pantaka-*; *wæłvæz* ‘нагорная равнина’, ‘возвышенность’ = *wæł-* & *fæz*; *wæłxox* ‘нагорный’, ‘нагорная область’ = *wæł-* & *xox*, ср. согд. *Paγar*, тадж. *Faγar* < **upari-garī-*, т. е. *Нагорье, Нагорная область* [1 (4, с. 77, 83, 84)]. Последние (согд. *Paγar*, тадж. *Faγar*) имеют значение и для нашего объекта исследования, т. к. являются отражением той же праиранской формы **upari-garī-* в языке местного сармато-аланского населения. Итак, сарм.-алан. лексема **val-gar* как форма с диссимиляцией плавных *l – l* > *l – r* к более раннему **val-gal(i)* обозначала не ‘нагорье’, как в случае с согд. и тадж., а *Надпорожье*,

Над порогом, т. е. скалу, поднимающуюся над речным (Ненасытецким) порогом.

4. Языковые реликты в топонимии бассейна Ингула.

4.1. Скиф., сарм. *angul-

Ингул – название реки, л. Южного Буга: «через *Ингули* и Богъ», 1673 г., *Инкгуль*, *Ингуль*, 1697 г., *Inguł*, *Jeni-geł*, *Angul*, совр. *Інгу́л*, -у [22, с. 222]. Лингвистическая интерпретация этого гидронима имеет свою историю, начало которой, насколько нам известно, положил М. Р. Фасмер, уверенно говоривший о тюркской этимологии: в частности, он связывал *Ингул* с тур. *āngül* ‘тихий, ленивый’ или с такой лексикой, как тур., крым.-тат., кыпч. и др. *in* ‘пещера’ или тур., уйг. *ān* ‘широкий’ со вторым компонентом тур. *göl* ‘озеро’ [27, с. 131]. Позже О. Н. Трубачев выдвинул версию славянского происхождения слова, в котором он усматривал тюркскую фонетическую обработку древнерусского *Уголь*: «тюрки южнорусских степей в свою очередь, видимо, заимствовали и усвоили это древнерусское местное название *Уголь* или даже более древнюю его форму – *Qgъ, преобразовав ее в гидроним *Ингул* (вар. *Angul*)» [26, с. 206], см. еще развитие идеи о славянской природе гидронимов *Ингул*, *Ингулец* < *Qgъ и позднейшей их тюркской фонетической трактовке в: [15, с. 132–135].

На наш взгляд, генезис гидронима действительно связан со слав. *Qgъ в том смысле, что за известными историческими формами гидронима стоит иранская лексема, этимологически и морфологически идентичная славянскому названию угла, ср. праиранское **anguli-* ‘палец (руки, ноги)’ ← ‘«сгибалка», сустав’ и такие его рефлексy, как бел. *angul* ‘палец’, вах. *yanglek* ‘палец’, верхн. *yagl* и др. [20 (1, с. 168–169)]. Такое объяснение вполне приемлемо с формальной стороны, кроме того, оно хорошо согласуется с версией об адаптации в тюркской речи нетюркского названия, которое, будучи фонетически

измененным, уже в новом облике позднее было усвоено славянами. Относительно семантической стороны этимологии отметим, что некоторые репрезентанты **anguli-*, **anguri-* обозначают расстояние между большим и указательным пальцами (ср. с такой семантикой пшт. *grut* [20 (1, с. 169)]), т. е. тот же «угол». Это подводит к мысли о перенесении в сферу гидронимии соматического термина, называвшего угол, изгиб, в речи восточноиранских племен южнорусских степей и Причерноморья. Таким образом, на примере названия одного регионально значимого гидрообъекта можно говорить о достаточно древней преемственности языковой традиции: иран. **Angul-* > тюрк. *Ingul*, *Jeni-gel*, *Angul* > слав. *Ингул*.

Интересны приводимые А. К. Шапошниковым топонимы $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, в которых он видит совр. Желтые воды (исток Ингула Малого или Ингульца) и предлагает для них объяснение как порчи синдо-меотского **hingul-* ~ др.-инд. *hīṅgula-* ‘алая краска, краситель’, хороним и гидроним *Hīṅgulā* [31, с. 35]. Впрочем, ранее он рассматривал $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\Sigma\upsilon\gamma\gamma\omicron\upsilon\lambda$ (река в стране хазар и венгров, вероятно, Ингул или Ингулец) среди сармато-туранских языковых реликтов, восстанавливая для этих названий первоначальный облик **hingilu-* ‘красный’? (ср. др.-инд. гидроним *Singula-*) [30, с. 298]. Однако отсутствие в топонимии Южного Буга других названий с аргументированной «синдо-меотской» этимологией внушает сомнения касательно корректности трактовки $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ как **hingul-*, равно как и сарм.-туран. **hingilu-* (иранская этимология вероятна, но имеются возражения формального свойства). Есть серьезные основания полагать, что разница в анлауте $\chi\iota-$: *I-*, *A-* $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\chi\iota\gamma\gamma\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ и указанных выше *Ингул*, *Ingul*, *Angul* отражает возникшие в тюркской речи диал. варианты, оформленные подобно ног., тат. *izan*

‘пашня’, ‘межа’ ~ кум. *hizan* ‘межа’ [21, с. 647], тур. *uryldymaq* ~ *hyryldamaq* ‘ворчать, рычать’, хал. *ауаӇ* ~ *hагаӇ* ‘дерево’ [23, с. 396].

Что касается отражения в *старой* европейской исторической топонимии славянского *огыль, то, возможно, таким примером является указанное патриархом Никифором название территории вдоль устья Дуная Ὀγγλος, Ὀυκλός, *Onglos*. Эта местность, занимаемая булгарами, упоминается под 660 г. в связи с их отступлением под натиском хазар [32, с. 203], и в научной литературе ее название принято относить к языку Аспаруховых болгар и объяснять как ‘Сто рек (озер)’ = ‘Сторечье’, выделяя в нем тюрк. числительное *он* [6, с. 74] (видимо, во второй части подразумевается рефлекс тюрк. *qо:/* ‘река’, ‘долина’ или *kö:/* ‘озеро’), хотя с учетом *он* ‘десять’ логичнее было бы говорить о ‘Десяти реках (озерах)’ = ‘Десятиречьи’. Однако расположенный где-то в районе между отрогами Карпат и поймой Дуная *Онгл* к тому времени уже был заселен славянами, с вождями которых Аспарух вступил в контакт [14, с. 41], потому этот топоним предпочтительнее считать славянским, чему не препятствуют его формы, известные из документов.

4.2. Скиф., сарм. *aspa-xāg (< *aspa-xāka-)

В ономастической литературе сделана робкая попытка сопоставить водные названия *Спасхагу Су* [*Spashagu Su*] – верхний приток Ингула [31, с. 98] и *Спасибóгова* – балка, п. Грузькой п. Можя п. Северского Донца п. Дона, 1863 г., *Спасисогова* [22, с. 523; 19 (2, с. 185)]. Собственно, сопоставлением анализ этих гидронимов исчерпывается, разве что для этимологически темного *Спасхагу Су* справедливо отмечается: «несмотря на переоформление варваризмом *су* ‘вода’, может оказаться нетюркским по происхождению» [31, с. 98].

На наш взгляд, ингульское и донское (о последнем будет сказано в другом исследовании) названия представляют собой продукт обработки иранских лексем в славянском и тюркском употреблении (со всем комплексом процессов, сопутствующих народной этимологии). Они действительно имеют этимологически общий препозитивный компонент – скиф., сарм. *aspa* ‘лошадь, конь’ (форма, предшествующая осет. *æfsæ*), однако вторая часть, несмотря на повторяемость в ней звуков *c – g*, в каждом гидрониме, видимо, имеет разное происхождение. В случае с *Сласхагу* это **xāg* – форма к **xāk* ‘ручей, источник, родник’ с озвончением *k > g*, свойственным носителям скифской и сарматской речи [2, с. 330], ср. его соответствия в других языках: орм. *xākə* ‘родник, колодец’, согд. будд. *γ’γh*, ман. *x’x* ‘источник, ручей’, ягн. *хок* ‘ключ, ручей, вода’ и др. < **xāka-* (приведены по: [20 (4, с. 215)]). С учетом сказанного можно предполагать в *Сласхагу* измененное скиф., сарм. сложение **aspa-xāg* (< **aspa-xāka-*) ‘конская река, вода’, ‘конский источник, ручей’, ср. слав. названия левого рукава Днепра *Конские Воды*, *Konsca Uoda*, *Konska Woda*, *Конские источники* [22, с. 251].

В предложенное толкование гидронима не вписывается элемент *-c-* между частями *Сла-с-хагу*, который, если принять такую этимологию, вряд ли может быть объяснен как исконный компонент структуры слова. Скорее всего, его присутствие – результат порчи названия в иноязычной среде под влиянием различных ассоциаций с формально подобной лексикой.

4.3. Скиф., сарм. **kardāpa*

Карда́па [*Кар|дапа*], -и, ж. – название обмелевшего потока (бассейн Синюхи) и балки, по которой он течет (пгт Новоархангельск Новоархангельск. р-на Кировоградской обл., 1988 г.) [7, с. 253]. Возможно, реликтовое название, указывающее на скиф. **kard-āpa*

‘грязная вода’ – композита из **kard-* ‘пачкать, мазать’, ‘грязь’ & **āra-* ‘вода, поток, река’, ср. пшт. *xərob* ‘орошенный’ < **xəɾ-* + **āp(a)-* и пшт. *xəra* ‘муть’ [20 (4, с. 290)], а также осет. *læk'ærdæ* ‘сырость’, ‘слякоть’, ‘грязь’, ‘грязный’ < **fra-karda-* ~ др.-инд. *karda-* ‘болото’ [1 (2, с. 27)].

4.4. Сарм.-алан. **sanda-gan* (< **fsanda-kan*)

Укр. *Сандаган*, -а – название источника и находящегося рядом высохшего потока (п. Ингула в р-не с. Калиновка Витовского р-на Николаевской обл.; запись 1988 г.) [7, с. 253]. Видимо, вост.-иран. композита **fsanda-kan* ‘священный источник, колодец’ из **fsanda-* ‘священный’, как в скиф. *Ψενδартᾶκη* = *fsand-art* ‘священный огонь’ [2, с. 282], и **kan* ‘колодец, источник, ключ’. Звуковой облик лексемы **sanda-gan* демонстрирует состояние, близкое фонетическому оформлению слов осетинского языка, ср. упрощение начального кластера *fs-* > *s-* при отсутствии *æ*-протезы (как **spiš-* > осет. *sistæ* [1 (3, с. 103)]) и озвончение **k-* > *g-*. Потому имеем дело с инновационной формой **sanda-gan*. Ср. еще фонетически продвинутое *Мордогонова* – правобережный приток Днепра, в котором усматривают развитие иран. **mṛta-xan-* > **mard(a)-xan-* ‘мертвый колодец’ [18, с. 109] или **mardaganu-* ‘мертвый источник’ [30, с. 304].

4.5. Сарм.-алан. **xūs-dānu*

Хуздан [*Хуздан*] – балка, п. Ингула (Александровск. р-н Кировоградск. обл., 1988 г.) [7, с. 253]. Фонетически измененный в славянском употреблении (закономерное озвончение *с* > *з* перед *д*) лексический реликт языка сармато-аланского населения этой территории, собственно – **xūs-dānu* ‘высыхающая река’, ‘обмелевшая река’. Это толкование находит поддержку в совр. осет. *xūs* ‘сухой’ и *don* ‘река’, ‘вода’ [1 (1, с. 366; 4, с. 250–251)], но главное – в цельнооформленном (!) *Хусдон* = «Засыхающая река» из *хус(къ)* ‘сухая’ + *дон* ‘река’ [28, с. 415].

5. Выводы. Предложенные выше этимологические этюды, как нам кажется, дают основания считать иранскими ряд названий некоторых районов Побужья и Поднепровья, что в свою очередь позволяет обозначить языковые следы присутствия на этих территориях скифо-сарматского этнического компонента в виде оставленной им реликтовой топонимии. Лексический состав и фонетические особенности выявленных иранских языковых реликтов позволяют разделить их на два класса.

5.1. К первому относятся иранские тополексемы, имеющие явные признаки тюркского освоения (**angul-*, **aspa-xāg*, **darš-stur*, **uruk-ap*), и сей факт подтверждает выводы о проблематичности славяно-иранских связях на южных территориях [26, с. 274].

5.2. Второй класс представлен образованиями, которые с большой вероятностью можно отнести к сармато-аланскому вкладу в местный топонимикон (**sanda-gan* < **fsanda-kan*, **la-gan*, **sāg-barz*, **xūs-dānu*, **val-gar*). Особенность этих форм заключается в том, что, будучи иранскими и располагаясь в ареале, практически лишенном древних (праславянских) гидронимов, наличие коих тут могло бы свидетельствовать о славяно-иранском взаимодействии, они тем не менее лишены признаков опосредующей тюркской адаптации.

5.3. Выделенные таким образом иранские элементы в топонимии указанных ареалов несколько размывают фундамент, на котором зиждется уверенность, с какой обычно утверждается отсутствие здесь иранских названий. Единственный способ проверить его прочность – обратиться к «младописьменной» топонимии, не имеющей своей письменно документированной истории, но тем не менее несущей немалый реконструктивный потенциал. Древность названия и его фиксация в памятниках не всегда совпадают, т. к. архаичная лексема, просуществовав достаточно долго в бесписьменном употреблении,

может попасть в документы сравнительно поздно, а потому среди топонимов, недавно вошедших в научный оборот, могут оказаться подлинные лексические древности.

Литература:

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка [Текст] / В. И. Абаев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1958–1989. – Т. I–IV.
2. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С. 272–364.
3. Білецький-Носенко П. Словник української мови [Текст] / П. Білецький-Носенко / [підг. до вид. В. В. Німчук]. – К.: Наук. думка, 1966. – 421 с.
4. Вязьмітіна М. І. Золота Балка (поселення сарматського часу на нижньому Дніпрі) / М. І. Вязьмітіна. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – 239 с.
5. Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) / Л. К. Галанина (= Археология СССР. Свод археологических источников. – Вып. Д1-33). – М.: Наука, 1977. – 67 с.
6. Георгиев П. Името Карвуна и прабългарите / П. Георгиев // *Palaeobulgaria* (Старобългаристика). – 2002. – № 2 (XXVI). – С. 70–82.
7. Громко Т. В. Матеріали до словника говірок української мови [Текст] / Т. В. Громко // *Studia semasiologica* / [відп. ред. О. І. Іліаді]. – Кіровоград: РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 2017. – С. 239–254.
8. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі [Текст] / [відп. ред. О. С. Стрижак]. – Київ: Наук. думка, 1985. – 256 с.

9. Желєзняк І. М. *Рось і етнолінгвістичні процеси Середньонаддніпрянського Правобережжя* / І. М. Желєзняк. – К.: Наук. думка, 1987. – 203 с.
10. Илиади А. И. *Неславянская лексика в гидронимии Дона: этимологические этюды* / А. И. Илиади // *In Nōminum Spatio: Материалы II Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина (22–23 октября 2016 г.)*. – Донецк: Изд. Фонда «Азбука», 2017. – С. 61–67.
11. Казлова Р. М. *Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд* / Р. М. Казлова. – Гомель: ГГУ, 2000. – Т. I. – 262 с.
12. *Книга Большому Чертежу [Текст]* / [подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 228 с.
13. Козлова Р. М. *Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде* / Р. М. Козлова. – Гомель: БелГУТ, 1997. – 412 с.
14. *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней* / [отв. ред. Литаврин Г. Г.]. – М.: Наука, 1987. – 568 с.
15. Лучик В. В. *Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя* / В. В. Лучик. – Кіровоград: Народне слово, 1996. – 235 с.
16. Лучик В. В. *Іншомовні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя* / В. В. Лучик. – Кіровоград: РВГ ІЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 1999. – 104 с.
17. *Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины*.
18. Орел В. Э. *К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга* / В. Э. Орел // *Вопросы языкознания*. – 1986. – № 5. – С. 107–113.
19. Отин Е. С. *Гидронимия Дона* / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2008–2012. – Т. 1–2.

20. Расторгуева В. С. *Этимологический словарь иранских языков [Текст] / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2000–2015. – Т. 1–5.*
21. Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) [Текст] / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 768 с.*
22. *Словник гідронімів України [Текст]. – К.: Наукова думка, 1979. – 781 с. + 1 арк. карт.*
23. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / [отв. ред. Э. Р. Тенишев]. – М.: Наука, 1984. – 484 с.*
24. Симонович Э. А. *Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье / Э. А. Симонович // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 63–75.*
25. Топоров В. Н. *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 271 с.*
26. Трубачев О. Н. *Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1968. – 289 с.*
27. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – М.: Прогресс, 1986. – Т. II. – 672 с.*
28. Цагаева А. Д. *Топонимия Северной Осетии [Текст] / А. Д. Цагаева. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – Ч. II (Словарь географических названий). – 560 с.*
29. Чабаненко В. А. *Порожистий Дніпро. Історико-топонімічний словник [Текст] / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя: ЗНУ, 2008. – 188 с.*

30. Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья / А. К. Шапошников // *Этимология*. 2003–2005. – М.: Наука, 2007. – С. 255–322.

31. Шапошников А. К. Новороссия первоначальная. Топонимические и топографические свидетельства (по состоянию на 1774/5 г.) / А. К. Шапошников // *Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина*. – К.: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 51–109.

32. *Słownik starożytności słowiańskich: encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII: tom pierwszy A-E* / [red. Władysław Kowalenko, Gerard Labuda, Tadeusz Lehr-Splawiński]. – Wrocław etc.: Zkład Narodowy im. Ossolińskich; PAN, 1961. – Ch. 1. – 481 s.

References:

1. Abaev V. I. *Istoriko-ètimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Text] / V. I. Abaev. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR; Nauka, 1958–1989. – T. I–IV.

2. Abaev V. I. *Skifo-sarmatskie narechiya* // *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: Drevneiranskie yazyki*. – M.: Nauka, 1979. – S. 272–364.

3. Biletskiy-Nosenko P. *Slovnyk ukrainskoyi movy* [Text] / P. Biletskiy-Nosenko / [pidg. do vyd. V. V. Nimchuk]. – K: Nauk. dumka, 1966. – 421 s.

4. Vazmitina M. I. *Zolota Balka (poselennia sarmatskogo chasu na Dnipri)* / M. I. Vazmitina. – K.: Vyd-vo AN URSS, 1962. – 239 s.

5. Galanina L. K. *Skifskie drevnosti Podneprovia (Èrmitazhnaya kolleksiya N. E. Brandenbura)* / L. K. Galanina (= *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*. – Vyp. D1-33). – M.: Nauka, 1977. – 67 s.

6. Georgiev P. *Imeto Karvuna i prabŭlgarite* / P. Georgiev // *Palaeobulgarica (Starobŭlgaristika)*. – 2002. – № 2 (XXVI). – S. 70–82.

7. Gromko T. V. *Materialy do slovnyka govirok ukrains'koyi movy* [Text] / T. V. Gromko // *Studia semasiologica* / [vidp. red. O. I. Iliadi]. – Kirovograd: RVV CDPU im. V. Vinnichenka, 2017. – S. 239–254.

8. *Etymologichniy slovnyk litopysnykh geografichnykh nazv Pivdennoyi Rusi [Text] / [vidp. red. O. S. Strizhak]. – K.: Nauk. dumka, 1985. – 256 s.*
9. *Zheleznyak I. M. Ros I etnolingvistychni protsesy Serednonaddnipranskogo Pravoberezhzha / I. M. Zheleznak. – K.: Nauk. dumka, 1987. – 203. s.*
10. *Iliadi A. I. Neslavyanskaya leksika v gidronimii Dona: ètimologicheskie ètudy / A. I. Iliadi // In Nōminum Spatio: Materialy II Mezhdunarodnykh onomasticheskikh chteniy im. E. S. Otina (22–23 oktobra 2016 g.). – Donetsk: Izd. Fonda «Azбуka», 2017. – S. 61–67.*
11. *Kazlova R. M. Belaruskaya i slavyanskaya gidranimiya. Praslavyanski fond / R. M. Kazlova. – Gomel: GGU, 2000. – T. I. – 262 s.*
12. *Kniga Bolshomu Chertezhu [Text] / [podg. k pečati i red. K. N. Serbinoy]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 228 s.*
13. *Kozlova R. M. Structura praslavyanskogo slova. Praslavyanskoye slovo v geneticheskom gnezde / R. M. Kozlova. – Gomel: BelGUT, 1997. – 412 s.*
14. *Kratkaya istoriya Bolgarii. S drevneyshikh vremen do nashikh dney / [otv. red. Litavrin G. G.]. – M.: Nauka, 1987. – 568 s.*
15. *Luchyk V. V. Avtokhtonni gidronimy Serednogo Dnipro-Buzkogo mezhyrichchia / V. V. Luchyk. – Kirovograd: Narodne slovo, 1996. – 235 s.*
16. *Luchyk V. V. Inshomovni gidronimy Serednogo Dnipro-Buzkogo mezhyrichchia / V. V. Luchyk. – Kirovograd: RVG IC KDPU im. V. Vinnichenka, 1999. – 104 s.*
17. *Onomasticheskiy arkhiv Instituta ukrainskogo yazyka NAN Ukrainy.*
18. *Orel V. È. K voprosu o relikhtakh iranskoy gidronimii v basseynakh Dnepra, Dnestra i Yuzhnogo Buga / V. È. Orel // Voprosy yazykoznaniiya. – 1986. – № 5. – S. 107–113.*
19. *Otin E. S. Gidronimia Dona / E. S. Otin. – Donetsk: Yugo-Vostok, Ltd, 2008–2012. – T. 1–2.*

20. Rastorgueva V. S. *Ètimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Text] / V. S. Rastorgueva, D. I. Èdel'man. – M.: Vostochnaya literatura, 2000–2015. – T. I–V.
21. Sevortan È. V. *Ètimologicheskii slovar turkskikh yazykov (Obshcheturkskie i mezhturkskie osnovy na glasniye)* [Text] / È. V. Sevortan. – M.: Nauka, 1974. – 768 s.
22. *Slovnnyk gidronimiv Ukrayiny* [Text]. – K.: Naukova dumka, 1979. – 781 s. + 1 ark. kart.
23. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov. Fonetika* / [otv. red. È. R. Tenishev]. – M.: Nauka, 1984. – 484 s.
24. Symonovich È. A. *Kultura pozdnykh skifov i chernakhovskiy pamatniki v Nizhnem Podneprovie* / È. A. Symonovich // *Problemy skifskoy arkheologii*. – M.: Nauka, 1971. – S. 63–75.
25. Toporov V. N. *Lingvisticheskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprovia* / V. N. Toporov, O. N. Trubachev. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 271 s.
26. Trubachev O. N. *Nazvaniya rek Pravoberezhnoy Ukrainy: Slovoobrazovaniye. Ètimologiya. Ètnicheskaya interpretatsiya* / O. N. Trubachev. – M.: Nauka, 1968. – 289 s.
27. Fasmer M. *Ètimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Text] / [per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva]. – M.: Progress, 1986. – T. II. – 672 s.
28. Tsagayeva A. D. *Toponimia Severnoy Osetii* [Text] / A. D. Tsagayeva. – *Ordzhonikidze: Ir*, 1975. – Ch. II. – 560 s.
29. Chabanenko V. A. *Porozhisty Dnipro. Istoryko-toponimichny slovnnyk* [Text] / V. A. Chabanenko. – Zaporizhzhia: ZNU, 2008. – 188 s.
30. Shaposhnikov A. K. *Sarmatskiye i turanskiye yazykoviye relikty Severnogo Prichernomoria* / A. K. Shaposhnikov // *Ètimologia. 2003–2005*. – M.: Nauka, 2007. – S. 255–322.

31. *Shaposhnikov A. K. Novorossiia pervonachalnaya. Toponimicheskiye i topograficheskiye svidetelstva (po sostoyaniyu na 1774/5 g.) / A. K. Shaposhnikov // Rekviem filologicheskiiy. Pamati E. S. Otina. – K.: Izd. dom Dmitriya Burago, 2015. – S. 51–109.*

32. *Słownik starożytności słowiańskich: encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII: tom pierwszy A-E / [red. Władysław Kowalenko, Gerard Labuda, Tadeusz Lehr-Splawiński]. – Wrocław etc.: Zkład Narodowy im. Ossolińskich; PAN, 1961. – Ch. 1. – 481 s.*